

ՄԵԼԲՈՆՅԱՆ ԴԱՎԻԹ

իրավաբանական գիտությունների թեկնածու, ՀՀ գլխավոր դատախազի տեղակալ, ԵՊՀ քրեական դատավարության և կրիմինալիստիկայի ամբիոնի դոցենտ

MELKONYAN DAVIT

Candidate of Legal Sciences, Deputy Prosecutor General of the RA, Associate Professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of Yerevan State University

МЕЛКОНЯН ДАВИТ

кандидат юридических наук, Заместитель Генерального прокурора РА, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Ереванского государственного университета

ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ ԱՆՆԱ

Հայաստանի Հանրապետության գլխավոր դատախազության միջազգային-իրավական համագործակցության վարչության ավագ դատախազ

HOVHANNISYAN ANNA

Senior prosecutor of the Department of International-Legal Cooperation of the Prosecutor General's Office of the Republic of Armenia

ОГАНЕСЯН АННА

Старший прокурор управления международно-правового сотрудничества генеральной прокуратуры Республики Армения

ՔՐԵԱԿԱՆ ԳՈՐԾԵՐՈՎ ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ-ԻՐԱՎԱԿԱՆ ՀԱՄԱԳՈՐԾԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ՇՐՋԱՆԱԿՆԵՐՈՒՄ ՍՏԱՅՎԱԾ ԱՊԱՑՈՒՅՑՆԵՐԻ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ԿԱՐԳԱՎԻՃԱԿԻ ՈՐՈՇ ՀԻՄՆԱՀԱՐՅԵՐ. ՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆ*

SOME ISSUES RELATED TO THE LEGAL STATUS OF EVIDENCE OBTAINED THROUGH INTERNATIONAL-LEGAL COOPERATION IN CRIMINAL MATTERS: COMPARATIVE ANALYSIS*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Беспрецедентное распространение преступности во всех государствах мира, в том числе – на транснациональном уровне, привело к осознанию необходимости ведения наиболее эффективной борьбы с ней и сотрудничеству государств в вопросе предпринятия систематизированных шагов в данном направлении. Одним из наиболее распространенных и эффективных средств такого сотрудничества является институт оказания правовой помощи по уголовным делам. Исключением не стали и государства-члены СНГ.

После распада Советского союза, в условиях недостаточной урегулированности отношений государств в сфере сотрудничества по уголовным делам, осуществление эффективного правосудия по уголовным делам, в том числе – в аспекте обеспечения объективного и всестороннего следствия, было проблематичным. В условиях отсутствия соответствующих правовых

* Հոդվածը ներկայացվել է 23.10.2019, գրախոսվել է 15.11.2019, ընդունվել է տպագրության 13.12.2019:

* The article was presented 23.10.2019, was reviewed 15.11.2019, was accepted to publication 13.12.2019.

* Статья представлена 23.10.2019, рецензирована 15.11.2019, принята в печать 13.12.2019.

установок, регулирующих данную сферу, зачастую запросы, направляемые одним государством, оставались неисполненными, а в случае исполнения впоследствии оспаривалось их процессуальное производство, в том числе – вопрос компетенции субъекта, их исполнившего. Все это приводило к недопустимости использования фактических данных – доказательств, полученных в результате исполнения подобных запросов. В результате была осознана необходимость заключения двусторонних и многосторонних договоров и принятия соответствующих уголовно-процессуальных норм, регулирующих данную сферу.

Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) Республики Армения (РА) предусматривает две возможные ситуации регулирования данного института – оказание правовой помощи по уголовным делам при наличии международного договора (глава 54 УПК РА) либо при отсутствии такового (глава 54.1 УПК РА).

В настоящей статье рассмотрим вопрос правового статуса доказательств, полученных в рамках запроса об оказании правовой помощи по уголовным делам при наличии международных договоров, ратифицированных РА.

Во-первых, следует отметить, что основным проявлением данного института является проведение отдельных следственных и процессуальных действий, в результате чего осуществляется сбор фактических данных, используемых в дальнейшем в качестве доказательств. Хотя РА ратифицировала как конвенции СНГ «Об оказании правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (22.01.1993г., г. Минск; 17.10.2002г., г. Кишинев), так и ряд европейских конвенций – «О взаимной правовой помощи по уголовным делам» (20.04.1959г., г. Страсбург), «О передаче производств по уголовным делам» (15.05.1972г., г. Страсбург), между РА и рядом других государств были заключены также двусторонние договоры о сотрудничестве, которые также составляют правовую базу оказания правовой помощи.

Уголовно-процессуальные законодательства РА и иностранных государств по-разному регулируют вопросы видов доказательств, их получения и процессуального закрепления. Подобные ситуации создают определенные проблемы для запрашивающего государства в связи с дальнейшим использованием доказательства, полученного в результате исполнения запроса об оказании правовой помощи.

Часть 1 статьи 127 УПК РА, закрепляя предъявляемые к доказательствам требования, перечисляет, в частности, критерии относимости и допустимости.

В целом, особенностей в вопросе относительности доказательств, полученных в иностранном государстве в рамках запроса об оказании правовой помощи, не имеется, в отличие от аспекта допустимости доказательств.

Ряд авторов, изучающих вопрос допустимости доказательств, рассматривает вопрос недопустимости доказательств в контексте ряда критериев, предъявляемых к допустимым доказательствам.

В частности, Лупинская П.А. к числу таких критериев относит следующие:

- 1) доказательства должны быть получены соответствующим субъектом, уполномоченным по конкретному уголовному делу осуществлять процессуальные действия, в результате которых были получены данные доказательства,
- 2) фактические данные должны быть получены исключительно из источников, предусмотренных законом,
- 3) доказательства должны быть получены с соблюдением порядка производства процессуальных действий,

4) во время сбора доказательств должны быть соблюдены установленные законом требования по оформлению доказательств и соответствующих следственных действий¹.

Другая группа авторов к числу таких требований относит также законность проверки доказательств².

Вышеперечисленные позиции в целом совпадают с позицией Кассационного суда Республики Армения по делу А.Авагяна и В.Саакяна³, в соответствии с которой признак допустимости доказательства относится к его формальной стороне. Его сущность заключается в соблюдении процессуальных требований, предусмотренных законом, при сборе доказательств, и подразумевает следующее:

- законность источника: доказательство должно быть получено только из источников, предусмотренных законом (часть 2 статьи 104 УПК РА);
- законность средств получения доказательства: должны быть соблюдены предусмотренные законом требования к действиям, направленным на получение доказательств;
- процессуальное оформление: доказательство, процесс его получения должны быть оформлены в процессуальном порядке, предусмотренном законом;
- уполномоченный субъект: доказательство должно быть собрано субъектом, имеющим такое полномочие.

Обобщая, можем отметить, что эти четыре критерия, в целом, являются основными показателями законности, следовательно – допустимости доказательств.

Обратимся к одному из наиболее проблематичных из вышеуказанных критериев – субъекту, уполномоченному осуществлять сбор доказательств.

Оценивая полномочие должностного лица иностранного государства осуществлять процессуальные действия в рамках запроса об оказании правовой помощи, следует учитывать как положения внутригосударственного законодательства, так и нормы, закрепленные международными договорами, нарушения которых могут повлечь к признанию лица, осуществившего сбор доказательств, ненадлежащим субъектом, а доказательства – недопустимыми.

Статья 475 УПК РА, устанавливая круг органов, компетентных осуществлять сношения по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам в соответствии с международными договорами, не перечисляет органы, уполномоченные исполнять запросы об оказании правовой помощи. В качестве нормы, регулирующей данный вопрос, можно рассматривать часть 11 статьи 190 УПК РА, в соответствии с которой запросы об оказании правовой помощи по уголовным делам, оформленные в соответствии с международными договорами Республики Армения и главами 54 и 54.1 УПК РА, органы предварительного следствия исполняют в соответствии с подследственностью, установленной той же статьей, а в случае неурегулированности подследственности данной статьей вопрос подследственности исполнения запроса решает прокурор.

Таким образом, хотя международным договором предусмотрен компетентный орган по вопросам сношения, но отсутствует перечисление органов, уполномоченных непосредственно исполнять запрос, внутригосударственное законодательство самостоятельно регулирует данный вопрос.

¹ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник/ отв. ред. П.А. Лупинская М.: Юрист, 2005. С. 230.

² См.: Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: краткий курс. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. С. 77.

³ Подробнее см.: Постановление Кассационного суда РА по делу ԵԿԴ/0252/01/13 от 31.10.2014г.

Аналогичные положения содержатся в законодательстве ряда государств-участников СНГ, в частности:

В соответствии с УПК Республики Беларусь, подследственность органа, исполняющего запрос, решается в соответствии со статьей 182 УПК, регуливающей подследственность уголовных дел между органами, осуществляющими предварительное следствие. Из данного правила имеются также исключения, например, в случае, если по существу запроса информация может быть представлена определенным государственным органом, к примеру – Государственным пограничным комитетом. В таком случае исполнение запроса может быть поручено данному органу, вне зависимости от подследственности. Как правило, запросы о предоставлении документов исполняются со стороны нижестоящих органов прокуратуры Республики Беларусь. Если запросами, полученными на основании одноименных конвенций Минска или Кишинева, не запрашивается санкций прокурора или суда, они генеральной прокуратурой направляются в те государственные органы, которые в соответствии с конвенциями уполномочены осуществлять непосредственное сношение с компетентным органом иностранного государства, направившего запрос.

В соответствии с законодательством Республики Казахстан, запрос направляется генеральной прокуратурой в то территориальное подразделение прокуратуры, на территории процессуального руководства которой должны быть осуществлены запрашиваемые процессуальные действия, либо в центральное подразделение того органа уголовного преследования, к компетенции которого отнесено исполнение запроса. Одновременно, вопрос подследственности органа уголовного преследования решается в соответствии с правилами подследственности, установленными УПК Республики Казахстан, – по видам преступлений.

В УПК Российской Федерации не предусмотрены такие положения, которыми четко был бы урегулирован вопрос – каким именно следственным органом запрос должен быть исполнен. Однако, с целью обеспечения эффективного сотрудничества за основу берется тот раздел УПК, которым определяется подследственность уголовных дел. В соответствии со статьей 151 и частью 1 статьи 457 УПК Российской Федерации, а равно принятыми во их исполнение иными правовыми актами генеральной прокуратуры Российской Федерации, оформленные надлежащим образом запросы с целью исполнения направляются в тот орган, к компетенции которого отнесено производство предварительного следствия по уголовным делам о данном виде преступления.

Аналогичным образом урегулирован вопрос уголовно-процессуальным законодательством Республики Молдова, Республики Узбекистан и Кыргызской Республики.

Следующим проблематичным вопросом в контексте допустимости доказательств, полученных в рамках запросов об оказании правовой помощи, является различность положений внутригосударственного и иностранного законодательства, регулирующих требования, предъявляемые к доказательствам и форме их процессуального закрепления. В связи с этим возникает справедливый вопрос: надлежат ли доказательства, полученные в рамках запроса об оказании правовой помощи на территории иностранного государства, проверке в аспекте их допустимости, основываясь на требованиях, предъявляемых к ним внутригосударственным уголовно-процессуальным законодательством?

В связи с данным вопросом ряд авторов придерживается мнения о том, что данные, полученные на территории другого государства, не могут быть использованы в уголовно-про-

цессуальном доказывании без придания им соответствующей процессуальной формы и их проверки и оценки в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным кодексом¹.

Другая группа авторов отмечает, что достаточно учитывать обстоятельство получения доказательств в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством запрашивающего государства, без нарушений основных прав и свобод человека².

Отметим, что глава 54 УПК РА, регулирующая вопросы международной правовой помощи при наличии международных договоров, в отличие от законодательства Российской Федерации, не содержит отдельной нормы, регулирующей статус доказательств, полученных на территории иностранного государства.

В то же время уголовно-процессуальное законодательство РА не предусматривает так называемого института «верификации» или «легитимизации» (узаконивания), а следовательно, в отношении полученных вышеуказанным путем доказательств действует презумпция допустимости.

В связи с этим рассмотрим следующий пример. В соответствии с положениями ст. 221 УПК РА, предъявление для опознания осуществляется в строго предусмотренном законом порядке: следователь предварительно допрашивает опознающее лицо (свидетеля, потерпевшего, обвиняемого либо подозреваемого) относительно тех идентифицирующих данных (внешний вид, особые приметы) и обстоятельств, в которых опознающее лицо видело опознаваемого.

Согласно части 3 той же статьи, опознаваемый предъявляется для опознания среди **как минимум трех лиц** того же пола, наиболее схожих на него внешностью и одеждой.

Статья 224 УПК РА предусматривает обязанность следственного органа по составлению протокола относительно проведения и итогов данного следственного действия.

Рассмотрим правовое регулирование проведения данного следственного действия по УПК РФ.

Согласно положениям статьи 193 УПК РФ, следователь может предъявить для опознания лицо или предмет свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому.

Опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать.

Лицо предъявляется для опознания вместе с другими лицами, по возможности внешне сходными с ним. **Общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех.** По окончании опознания составляется протокол.

Анализ вышеуказанных положений показывает, что несмотря на различия в регулировании количества предъявляемых для опознания лиц (минимум 4 – по УПК РА, 3 – по УПК РФ), требования, предъявляемые законом к данному следственному действию, идентичны: предварительный допрос опознающих по критериям опознания, проведение следственного действия при участии статистов, внешне схожими с опознаваемым, закрепление в порядке, предусмотренном УПК (протоколирование), проведение и итоги следственного действия.

¹ См.: Калугин А.Г., Шинкевич Д.В. Особенности уголовно-процессуального доказывания при оказании международной правовой помощи по уголовным делам: учеб. Пособие. Красноярск: Сиб. Юрид. Ин-т МВД России, 2005. С. 73.

² См.: Бирюков П.Н. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: теоретические проблемы: автореф. Дис. д-ра наук ст. 18. Смотри также - К вопросу о правовом статусе доказательств по уголовным делам, полученных из источников в иностранном государстве // Из вузов Правоведение, 1999. Номер 2. С. 230-237.

Таким образом становится ясно, что единственным различием в правовом регулировании данного следственного действия является количество лиц, предъявляемых для опознания.

В связи с указанным считаем, что в данной плоскости основным требованием, предъявляемым к доказательствам, является их получение в соответствии с законодательством конкретного государства и отсутствие нарушений положений, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

Следовательно, при проведении опознания на территории РФ с применением норм УПК РФ (предъявление для опознания трех лиц), со строгим соблюдением правового регулирования процедуры проведения следственного действия, результаты данного следственного действия в качестве доказательства могут быть использованы в уголовном процессе, ведущемуся на территории РА, учитывая, что законодательством обоих государств представлены единые требования к основополагающим принципам проведения данного действия (предварительный допрос, схожесть критериев опознания).

В то же время, если законодательством какого-либо государства допускается получение доказательств путем, запрещенным законодательством РА (с применением принуждения, жестокого, бесчеловечного отношения либо угроз), то такие фактические данные не могут быть использованы в качестве допустимых доказательств в уголовном процессе.

В указанном контексте наиболее проблематичными являются случаи, когда расследование конкретного преступления на территории одного государства отнесено к компетенции одного органа (например, Следственного комитета РА), в то время как согласно законодательству другого государства расследованием данного вида преступления занимается иной орган предварительного расследования (например, Служба национальной безопасности РА либо Специальная следственная служба РА).

Считаем, что в данном случае подлежат применению нормы запрашиваемого государства, если иное не предусмотрено международным договором, действующим между государствами (статья 8 Минской конвенции).

Изучение законодательства ряда государств и сложившейся практики в контексте допустимости полученных в таких случаях доказательств свидетельствует, что на практике проблем с допустимостью доказательств не возникает, если они были получены в результате таких следственных действий, которые были осуществлены в соответствии с уголовно-процессуальными требованиями запрашиваемого государства (Республика Беларусь).

В соответствии с законодательством Республики Казахстан, доказательства, полученные в результате исполнения запросов на территории иностранного государства, а также доказательства по уголовным делам с поручениями об осуществлении уголовного преследования, направленные в соответствии с международными договорами Республики Казахстан или на основании принципа взаимности, в случае их передачи с соблюдением предусмотренного порядка, считаются допустимыми, если они были получены без нарушений права на справедливое судебное производство, а также основных прав и свобод человека.

В соответствии с законодательством Российской Федерации, доказательства, полученные на территории иностранного государства его должностными лицами в ходе исполнения ими поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам или направленные в Российскую Федерацию в приложении к поручению об осуществлении уголовного преследования в соответствии с международными договорами Российской Федерации, международными соглашениями или на основе принципа взаимности, заверенные и переданные в установленном порядке, пользуются такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории

Российской Федерации в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуального кодекса (статья 455 УПК Российской Федерации).

Аналогичное регулирование вопроса предусмотрено статьей 538 УПК Республики Молдова, согласно которой, процессуальные документы, составленные компетентными органами иностранного государства в соответствии с законодательством данного государства, считаются допустимыми (действительными) для органов уголовного преследования и судов Республики Молдова.

Одновременно, учитывая актуальность вопроса и широкий круг отношений, затрагиваемых исполнением запросов (частная жизнь, собственность, банковская тайна), в литературе обсуждаются два основных вопроса относительно совершения следственных действий в рамках международного сотрудничества – принцип равенства юридической силы доказательств¹ и соответствие защиты прав человека международным критериям².

Учитывая важность вопроса, еще в 1996 году в пункте 4 Рекомендации группы старших экспертов по транснациональной организованной преступности было указано, что государства, которые разрабатывают договоры о международной правовой помощи, должны обеспечить, чтобы такие договоры, помимо прочего, отражали принцип необходимости получения доказательств приемлемыми для запрашивающего государства способами, за исключением тех случаев, когда такие способы противоречат основополагающим принципам правовых систем запрашиваемого государства³.

Таким образом, можно заключить, что предъявляемые законодательством РА требования к доказательствам, полученным в рамках международного сотрудничества, идентичны тем, которые получены на внутринациональном уровне, за исключением того, что они, в дополнение ко всему, должны соответствовать также требованиям иностранного законодательства и действующего между государствами договора.

В любом случае, считаем, что общие нормы международных договоров, регулирующие проведение следственных действий, при наличии «доброй воли» сторон обеспечат эффективное сотрудничество государств в общем деле борьбы с преступностью и укрепления правопорядка.

Ամփոփագիր: Հոդվածը նվիրված է քրեական գործերով փոխադարձ իրավական օգնության կարգով ստացված ապացույցների իրավական կարգավիճակի հարցին: Հոդվածում ուսումնասիրվել են օտարերկրյա պետության տարածքում ձեռք բերված ապացույցների գնահատման առանձնահատկությունները, ուսումնասիրությունն իրականացվել է համանման իրավական կարգավորման մեխանիզմներ ունեցող պետությունների օրենսդրության համեմատության միջոցով: Հոդվածում ներկայացվում են փոխադարձ իրավական օգնության կատարման արդյուն-

¹ См.: Евдокимов В.Б., Михайленко К.Е. Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам на примере стран СНГ.М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 132-133.

² Авторами Евдокимовым В.Б., Михайленко К.Е. перечисляются 92 международных документа такого уровня – см.: Евдокимов В.Б., Михайленко К.Е., указ.соч. С. 235-245.

³ Подробнее см.: Senior experts on transnational organized crime, P8-Senior experts group recommendations, Paris, April 12, 1996.

քում ձեռք բերված ապացույցների թույլատրելիության հարցեր՝ սուբյեկտի, աղբյուրի, ձեռքբերման միջոցի և դատավարական արմագրման տեսանկյուններից:

Annotation. The article discusses the legal status of evidence obtained through mutual legal assistance in criminal matters. The peculiarities of assessing evidence obtained in the territory of foreign state are discussed. Comparative analysis with the legislation of several countries with instruments of analogical legal regulation is made. The authors raise the issues of admissibility of evidence obtained through mutual legal assistance from the perspective of sources, subject, means of obtainment and procedural definition thereof.

Հիմնաբառեր¹ քրեական արդարադատության ոլորտում համագործակցություն, քրեական գործերով փոխադարձ իրավական օգնություն, ապացույց:

Keywords: cooperation in criminal justice sphere, mutual legal assistance in criminal matters, evidence.

Ключевые слова: сотрудничество в сфере уголовной юстиции, взаимная правовая помощь по уголовным делам, доказательство.